

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ПОЭЗИИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**В. М. Инбер, В. О. Перцов,
А. А. Прокофьев, М. Ф. Рыльский,
А. Т. Твардовский**

НИКОЛАИ ТИХОНОВ

С Т И Х И

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1961

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СЕБЕ

Когда я смотрел на полуголых, темнокожих, веселых ребят, детей бедного рыбацкого поселка на Цейлоне, смотрел, как они играют в свой родной океан, волоча по песку спрутов, огромных скатов, медуз и маленьких акул, мне казалось, что я вижу сон моего детства, когда мое разгоряченное книгами приключений воображение рисовало мне далекие пейзажи полуденных стран и я мечтал увидеть воочию эти страны. Я их увидел.

Когда я был очень маленький, я любил кастрюли. Их блеск приводил меня в полный восторг. Если я был в гостях, то пер-

вым долгом отправлялся на кухню, чтобы любоваться на полках рядами маленьких и больших медных желтых кастрюль. Мне снимали с полки самую маленькую, и я возился с ней с такой серьезностью, что окружающие восклицали: «Он будет поваром!» Тогда я надевал ее на голову. «Он будет солдатом», — смеялись надо мной взрослые, сами не подозревая, что они предсказывают мне судьбу довольно точно. Мне пришлось в жизни участвовать в четырех войнах.

Теперь, оглядываясь на свою жизнь, я вижу, что есть какая-то фантастическая закономерность развития моего характера в условиях бурной эпохи войн и революций. Уже маленьким школьником видел я кровавое воскресенье — 9 января 1905 года, а с восемнадцати лет солдатом узнал, что такое мировая война. Я вступил в Красную Армию в год ее рождения.

Родившись в Петербурге, который при мне был переименован в Ленинград, я видел ребенком этот величественный город-

красавец. Видел я его и в дни, которые превратили его в город-герой. Я переживал с ним его радостные дни и дни, когда мне казалось, что любимый город достиг предела страданий.

С детства я увлекался географией и историей. С годами география превратилась для меня в эпическую поэму о борьбе народов за независимость, а история осветила меня немеркнущим светом Октябрьской революции.

Я родился 4 декабря (по новому стилю) 1896 года в Петербурге, в семье ремесленника.

Среда, в которой я провел раннее детство и юность, не могла способствовать развитию любви к искусству или литературе. Скромного заработка родителей едва хватало на содержание семьи. Дом был старый, с покосившимися дверями и низкими потолками. Квартира тесная, маленькая. Зато какие чудеса толпились в темных углах комнаты, когда, начитавшись до одури приключений, я долго не мог заснуть! В го-

лове теснились невиданные пейзажи, удивительные люди, сильные чувства, гремели битвы, бури, мятежи. А вокруг шла тусклая, тихая жизнь, наполненная заботой о завтрашнем дне, заботой о том, откуда взять средства, чтобы дать детям хоть среднее образование.

Я сам выучился семи лет читать и писать. Сначала ходил в городскую школу на Почтамтской улице, потом поступил в торговую школу. Но меня не влекли глубины коммерческих наук. Я хотел быть или военным историком, или археологом, или в крайнем случае уйти с какой-нибудь экспедицией в долгое-долгое путешествие, чтобы увидеть неизведанные края, девственные дебри. Однако вместо путешествия должен был начать рано зарабатывать кусок хлеба. Я стал писцом в Главном морском хозяйственном управлении.

Общение с моряками, их рассказы о путешествиях, о разных странах, куда они плавали, производили на меня большое впечатление. Во время ночных дежурств я

много беседовал с людьми, близко принимавшими к сердцу трагедию русского военно-морского флота, говорившими о революционных традициях Свеаборга и Кронштадта, о броненосце «Потемкин» и лейтенанте Шмидте, о прошлом и будущем флота. Некоторые мои собеседники были люди передовых взглядов, и их смелые суждения о судьбе России сильно мне запомнились. Конечно, далеко не со всеми я мог говорить так откровенно и находить взаимное понимание.

Первая мировая война положила резкую грань между мирными днями моей работы и неизвестным будущим. В походах и боях я изъездил всю Прибалтику, был контужен под Хинценбергом, участвовал в большой кавалерийской атаке под Роденпойсом. От того времени у меня осталась походная тетрадь стихов. Жизнь в казармах, в окопах, на дорогах под звездами мало походила на литературный университет. Мрачные пейзажи войны, смерть боевых друзей рождали большую внутреннюю тревогу.

На аренах мировой бойни люди моего поколения провели свою молодость. Немногие уцелели из моего поколения. Иные погибли под Наревом, под Митавой, на Буге, в жестоких боях 1915—1916 годов в первую мировую войну. Иные — под Перекопом, под Кронштадтом, под Пулковом — в гражданскую войну. Немногие дожили до дней Великой Отечественной войны, прошли ее дороги и встретили День победы — 9 мая 1945 года.

Весной 1918 года я вступил добровольцем в Красную Армию. Принимал участие в разгроме Юденича под Петроградом. Когда кончилась гражданская война, я снял шинель красноармейца и твердо решил заняться литературной деятельностью.

В первых своих книгах «Орда» и «Брага» мне хотелось рассказать о тех сложных ощущениях, которые жили во мне в те годы. Молодой человек вступил в революцию, которая разметала весь старый уклад жизни, низвергла все силы, мешавшие победе великого Октября и начала сотворение

нового мира, какого еще не знало человечество.

В пестром хаосе стихов для меня было самым главным ощущение этого нового мира и его хозяина — победившего пролетариата.

Я окунулся с головой в шумный и пестрый литературный мир двадцатых годов. Это было время дискуссий и литературных споров о направлении и судьбах отечественной поэзии, о месте поэта в рабочем строю. Я проходил путь сложных исканий. Черты этой ненужной осложненности мне долго пришлось изгонять из моих стихов. Одновременно со стихами я писал и прозу.

Большую роль в моей литературной судьбе сыграла поездка с группой писателей в Туркмению в 1930 году. Я увидел страну, в которой впервые бродил еще в 1926 году, охваченной социалистическим переустройством. Я написал тогда две книги: «Кочевники» и «Юрга».

В 1935 году в составе советской делегации я был на Конгрессе в защиту прогресса и мира в Париже. Впечатления от этой

поездки по странам Европы легли в основу книги стихов «Тень друга».

Я много странствовал в горах Кавказа, и тема Кавказа стала очень многообразной в моей поэтической работе. Особое место занимала тема становления советской власти, гражданская война на Кавказе. Ей посвящены рассказы, стихи и поэма «Серго в горах». Кроме того, я много переводил стихов моих друзей — грузинских поэтов.

Зима 1939—1940 года обернулась суровым военным испытанием. Я прошел путь с армией от местечка Липпола до Выборга. «Палатка под Выборгом» — этот цикл стихов, посвященный моему доброму боевому другу Виссариону Саянову, — живое воспоминание тех жестоких дней. Не прошло и года, как я вернулся из армии к своей мирной писательской деятельности, — снова начали сгущаться такие тучи, что трудно стало дышать. Чувствовалось приближение бури. И день 22 июня вошел страшной датой в жизнь нашей родины. Фашистские орды перешли границу Советского Союза.

Снова пришлось надеть шинель. В осажденном Ленинграде я работал при Политуправлении Ленинградского фронта, начальником группы писателей. За время осады, за девятьсот дней ленинградской битвы, я написал поэму «Киров с нами», «Ленинградские рассказы», книгу стихов «Огненный год», вел ежемесячный ленинградский дневник на страницах газеты «Красная звезда», написал свыше тысячи очерков, фронтовых заметок, корреспонденций, статей, обращений, листовок.

После войны, когда свет нашей победы озарил весь мир, упали оковы с народов, закабаленных фашистами. Я увидел Болгарию, Польшу, Румынию, Чехословакию, Югославию. В те годы я написал книгу прозы: «Болгарские записи» и стихи о Югославии. Я снова вернулся в долины Кавказа, с новым чувством объехал Грузию, от всей души порадовался росту социалистической Грузии, написал книгу стихов «Грузинская весна».

Наступили мирные годы, годы восста-

новления и бурного движения вперед. Но едва лишь успела отгреметь война, как новые поджигатели начали организовывать агрессивные блоки и союзы, в первую очередь угрожая безопасности Советского Союза.

Вот тогда в борьбе с врагами мира возникло всемирное движение народов за мир. Броцлавский конгресс положил основание этому движению. Парижский конгресс завершился организацией сторонников мира. Варшавский конгресс увенчался созданием Всемирного Совета мира.

Я, как старый солдат, участник четырех войн, не мог не принять участия в этом благородном движении, ставившем своей целью спасти народы и жизнь будущих поколений от жестокого истребления. Я стал активным сторонником мира. С 1949 года я являюсь председателем Советского Комитета защиты мира, а с 1950 года — членом Всемирного Совета мира. Второму Всемирному конгрессу сторонников мира я посвятил цикл стихов.

Участвуя в движении за мир, я был во многих странах Европы и Азии. Зимой 1949 года, по приглашению прогрессивных деятелей — писателей, Пакистана на конгресс в Лахор была направлена делегация советских писателей. В нее вошел и я. Мы совершили большое путешествие от границ Советского Союза, через Гиндукуш и Сефидкух, через Хайберский проход в Лахор и дальше по стране, в Карачи, к берегам Аравийского моря. После возвращения я написал «Рассказы о Пакистане», «Рассказы горной страны», повесть «Белое чудо» и книгу стихов об Афганистане и Пакистане — «Два потока». Я дважды увидел удивительную, древнюю и вместе с тем молодую страну — Народный Китай. Тема дружбы давно жила в моих стихах. Теперь родились стихи о Китае.

Исполнилась мечта моей ранней юности: увидеть далекие края, увидеть мир, освобожденный от насилия и несправедливости. Я увидел страны, вдохнувшие воздух свободы, страны, борющиеся за свою независимость,

страны, только что скинувшие оковы колониализма.

В своей последней поэме «Мыс Дондра» я хотел передать всю сложность современности и видение огромного мира, в котором так благотворно и человечно работает неутомимый труженик мира — советский человек, рожденный Октябрьской революцией.

То, что в пору моей ранней юности казалось невероятным, фантастическим, превратилось нынче в жизнь. И задача каждого поэта в меру своих сил и возможностей способствовать раскрытию всех духовных богатств мира, преображаемого силой великой социалистической революции!

Николай Тихонов